

В ономастике еще много белых пятен. Но открытия целых ономастических материков происходят редко. В книге Л. П. Калакуцкой такое открытие произошло. Материал под названием «Склонение фамилий и личных имен» известен давно и, казалось бы, хорошо и теоретикам, и практикам русского языка. Здесь можно сослаться на труды А. А. Реформатского, А. В. Суперанской, В. А. Никитина, Н. И. Толстого и других ученых. Специально о склонении антропонимов что-то говорят почти все грамматики, в том числе академические.

Однако весь объем проблемы, ее компоненты, различные аспекты ее сложности и важности обстоятельно осмыслены и описаны в монографии Л. П. Калакуцкой по сути впервые. Дело в том, что имен и особенно фамилий очень много и они чрезвычайно разнообразны. Поэтому описать все тонкости, все особенности их склонения, выявить действующие тут процессы, тенденции и противоречия без специального, объемного и очень трудоемкого исследования невозможно. А именно такое исследование и выполнила Л. П. Калакуцкая.

Словоизменение всех фамилий и личных имен в русском языке в общем-то укладывается в существующие типы субстантивного, адъективного и смешанного склонений, с выделением влиятельной группы несклоняемых антропонимов, относящихся, как теперь принято говорить, к нулевому склонению (хотя синтаксически и семантически оно отнюдь не нулевое). Но сколько здесь переходов от склонения к склонению, сколько формальных и функциональных отклонений!

Конечно, все это еще не дает оснований выделять «самостоятельную грамматику» или «собственную грамматику» антропонимов, «самостоятельную систему» антропонимического склонения, как это делают некоторые авторы. И даже говорить о неподчинении антропонимии системе апеллятивного словоизменения (с. 12), как — более осторожно — поступает Л. П. Калакуцкая, тоже, по всей видимости, нельзя, поскольку в этом случае, к примеру, становится непонятным совершенно верное ее наблюдение, что «словоизменение антропонимии постоянно подравнивается под словоизменение апеллятивной лексики» (с. 10).

Подчинение есть, но это типичное подчинение языковой периферии языковому центру, и поэтому внутри его прямо-таки запрограммированы отклонения. Но все эти отклонения, все морфологические различия вроде *любовь — любви*, но *Лю-*

бовь — Любви, *лист — листья*, по *Лист — Лыста* и т. д. (с. 12) не столь уж разительны. Внутри чисто апеллятивного словоизменения можно найти сколько угодно подобных и даже еще более ярких несовпадений. Вместе с тем, поскольку антропонимов существует потрясающе много, то и общий объем их морфологических отличий, отклонений от апеллятивных парадигм тоже весьма внушителен. И Л. П. Калакуцкая имела достаточно оснований предпослать своей книге шекспировские слова: «В этом безумии есть своя система».

«Система» антропонимического «безумия», т. е. высокой и подчас непредсказуемой морфологической вариативности, описывается в трех частях монографии, следующих за Введением (с. 3—15), в котором весьма четко и корректно сформулирована проблематика и методика исследования. В разделах своей книги Л. П. Калакуцкая стремится, в исторической перспективе «от Пушкина до наших дней», описать формы и сущность морфологического варьирования антропонимов в русском языке, определить сферу, степень и время распространения каждого типа варьирования, установить причины появления, столкновения и исчезновения вариантов.

Первая часть книги (с. 16—44) посвящена словоизменительной антропонимической норме XIX в. Автор показывает и хорошо доказывает, что «словоизменение антропонимии во времена Пушкина имело другие морфологические особенности, характеризовалось иным набором словоизменительных парадигм, чем словоизменение антропонимии в настоящее время» (с. 43). К наиболее заметным особенностям принадлежала всепобеждающая влиятельность фамилий на *-ов*, подчинявших себе склонение адъективных и некоторых других фамилий (*Долгорукий — Долгоруков*, *Хитрово — Хитров*), легко передававших свой формант фамилиям иноязычным (*Кар — Каров*). Существенной приметой XIX в. было также широкое склонение антропонимов на *-о*, *-е*. И вообще, антропонимической несклоняемости в XIX в. было гораздо меньше, чем сейчас.

Автор справедливо видит в нарастании несклоняемости личных имен и фамилий прежде всего противоречие между формой и содержанием, а именно — между морфологическим родом антропонима и реальным полом именуемого лица (с. 42). Сопутствующими причинами накопления несклоняемых форм было стремление устранить несовпадение основ именительного и косвенных падежей, приоритет

орфографического, а не орфоэпического облика антропонима и др.

Заметим, что автор подчас понимает термин «фамилия» слишком расширительно. Склонение русских фамилий на -о иллюстрируется примерами из «Тараса Бульбы»: «Шила посадить в кошевые!» и под. (с. 36—37), содержащими не русский, а украинский антропоним *Шило*, являющийся не фамилией, а прозвищем (именование главного героя *Бульба* — тоже прозвище, а не фамилия). К фамилиям причислено даже имя шекспировского *Отелло* (с. 39). В другом месте Л. П. Калакуцкая замечает, что «в антропонимии четкой границы между именем и фамилией нет», так как существуют случаи типа *Эмиль Гилельс — Александр Эмиль*, где один и тот же антропоним выступает по имени, то фамилией (с. 77). Но с тем же успехом, опираясь на омонимы типа *лев — Лев*, можно отвергать и четкость границ между собственными и нарицательными именами. Супротивная, «самовитая» граница между именем и фамилией (всегда четкая и однозначная!) — это одно, а проявления данной границы в тексте — совсем другое: нечеткости в последнем случае, может быть, конечно, сколько угодно.

Найти примеры нужного типа, да еще не в именительном падеже, автору было нелегко. Однако это не оправдывает повторений одних и тех же цитат. Ср. замечание А. С. Пушкина об «ошибочности записи «книга, сочиненная Гетем...» (с. 33 и 35), пример «часы *Селы Киноваря* остановились» (с. 110 и 133) и др.

В архаическом склонении *Дант, Данта, Данту* нет отмеченного Я. К. Гротом транслитерационного признака, при котором «вопреки произношению придавали иностранному имени письменное его окончание именно с целью сделать его удобнее для склонения» (с. 27): *Фальконет, Дидерот*. Здесь, наоборот, отсекается произносимое, а не удерживается непронизносимое. Но цель все та же — «сделать его удобнее для склонения». Сопоставление форм типа Дидерот и Дант показывает, что противоположности сходятся, что в языке разнонаправленные процессы могут давать одинаковый результат, если этот результат нужен обществу. Сопоставление же форм Дидерот и Дидро, Дант и Данте и т. д. демонстрирует развитие антропонимов от склонения к несклонению.

Характеристика антропонимических парадигм XIX в. стала хорошей отправным пунктом для развернутого анализа словоизменения антропонимии в XX в. Данной проблеме посвящена центральная в книге ее вторая часть (с. 45—151). Она делится на три главы, материал которых группируется вокруг глав-

ных факторов морфологической динамики антропонимов (связь рода и пола, связь парадигм мужской и женской фамилий) и соотношения антропонимического словоизменения и нормы.

На основе большого числа наблюдений Л. П. Калакуцкая формулирует правило, действовавшее уже в XIX в.: «... когда морфологический род антропонима противоречит реальному полу носителя имени или фамилии, в словоизменении антропонимии это вызывает или несклонение соответствующего имени, фамилии, или вариантность в их склонении» (с. 50). Правило это действует, в частности, среди женских антропонимов на согласный (пока речь идет только о твердом согласном): *Эдит, Жук, Жорж Санд*.

А вот антропонимы на -о, -е подчиняются указанному правилу все — и женские, и мужские. Ведь флексия -о, -е принадлежит среднему роду, а в антропонимии он невозможен. Совершенно справедливо отметив, что несклоняемость фамилий на -ю «нормативна для всех сфер современного русского литературного языка» (с. 62), автор, к сожалению, все же допускает здесь вариантное склонение по парадигме женского рода «для сфер устного литературного языка и языка художественной литературы». Между тем такое склонение в современных текстах выглядит стилистически отмеченным и хорошо ощутимым анахронизмом.

Если для фамилий на твердый согласный картина однозначна: мужские фамилии склоняются, а женские нет, то для фамилий на -а, где по логике должно было бы быть все наоборот, ситуация оказалась гораздо более сложной. Кропотливое и обстоятельное изучение фамилий на -а засвидетельствовало здесь обильную вариантность, причем несклонение представлено среди женских фамилий (с *Эдитой Пьеса*) не реже, чем среди мужских (*Так не стало Виктора Хара*). Особенно выделяются по этому признаку грузинские и японские антропонимы на -а (может быть, потому, что практически все остальные антропонимы этих языков имеют финалии, препятствующие их склонению в русском языке). Констатировав обилие несклоняемых форм на -а, Л. П. Калакуцкая тем не менее настаивает (совершенно справедливо!) на нормативности словоизменения антропонимов на -а, как мужских, так и женских, как славянских, так и заимствованных.

Заметим кстати, что понимание вариантности как «переходного состояния в развитии данного участка грамматической системы» (с. 50) представляется несколько суженным. Вариантность может укорениться в языке, и никуда не пере-

ходить, получив семантическую либо стилистическую нагрузку. Ср. семантическую вариантность родительного падежа в русском языке (*белизна сахара — килограмм сахара*), стилистическую вариантность дательного падежа в украинском языке (*Івану Франкові — Іванові Франку*). Некоторые приведенные примеры фиксируют элементарную безграмотность их авторов и поэтому не очень доказательны, ср.: «А для доктора Мина дети — вся жизнь» (с. 79) и др.

Наряду с соотношением рода и пола мощным фактором морфологической вариативности антропонимов является соотношение женской и мужской фамилий. Сущность соотношения заключается в том, что женская фамилия стремится полностью уподобиться мужской и утратить склонение. Л. П. Калакуцкая убедительно раскрыла действие этой тенденции в разных морфологических типах фамилий, включая даже исконные фамилии на *-ов, -ин* (с. 102), в целом остающиеся оплотом старого соотношения, при котором мужская и женская фамилии имеют свою форму (*Зайцев — Зайцева*) и свое склонение. Данная тенденция проникает и в женские имена. Мужских соответствий здесь, конечно, уже нет, поэтому уподобляться нечему, но зато среди многих женских имен на мягкий согласный развивается несклоняемость (*Нинель, Николь* и под.). Автор считает подобную несклоняемость допустимой (с. 112), а в заключительных рекомендациях — даже обязательной (с. 186).

Тенденцию к совпадению женской фамилии с мужской (с утратой склонения) Л. П. Калакуцкая квалифицирует как влияние общеевропейского (с. 98), западноевропейского (с. 99), европейского (с. 101) образца, как следствие воздействия иноязычной антропосистемы. Такой подход не представляется оптимальным. Ведь речь идет по сути о важнейшем морфологическом процессе в русской антропонимии XX в. Процесс такой значимости просто не совершался бы, если бы он не был порожден внутренними причинами, потребностями данной антропосистемы. Имеется здесь, вероятно, и воздействие «европейского образца», но лишь как третичный фактор. Гораздо большую роль играет очень хорошо рассмотренная в книге общая тенденция к несклонению, чрезвычайно важен также экстралингвистический фактор социально осознанного равноправия женщин.

Автор пристально изучает также проблему нормативности фамилий, совпадающих с апеллятивными. Стремление отличить фамилию от апеллятива, наряду с несклонением и переменной ударения (ср., например, фамилию *Ноба*), может иметь

различные орфографические проявления, в частности — удвоение согласных: *студенный* (апеллятив) — *Студенный* (фамилия) (с. 148). Фамилии, совпадающие с апеллятивами, представлены в речевой практике: 1) в несклоняемых формах (*Анатолию Зялцу*), 2) со склонением без присущих апеллятивам чередований (*Анатолию Зялцу*), 3) с апеллятивным склонением (*Анатолию Зайцу*). Первая из этих парадигм справедливо признается недопустимой, а две последних — равно возможными (с. 133). При этом заключительные рекомендации даже отдают предпочтение второй парадигме (с. 187), хотя языковая интуиция явно предпочитает третью.

Среди фамилий на *-ов, -ин* имеются русские и русифицированные, выступающие в творительном падеже с флексией *-ым* (с *Ивановым, Фоминским*), и заимствованные, обладающие флексией творительного падежа *-ом* (с *Дарвином, Вирговым*). Разграничение идет в основном на интуитивном уровне (с. 143) и поэтому не поддается точным определениям. Видно, здесь наиболее значима оппозиция известный — неизвестный, причем известные фамилии соединяются с *-ым* или *-ом* соответственно своему происхождению, а неизвестные — соответственно своему контексту.

Однозначно подтверждая нормативность несклонения фамилий на *-ых, -их*, Л. П. Калакуцкая отмечает, что несклонение это «системно неоправданно» (с. 144) и приводит большую подборку фактов склонения подобных фамилий. Обязательно рассмотрены также фамилии, в склонении которых возможно столкновение субстантивной и адъективной парадигмы.

Третья часть монографии Л. П. Калакуцкой имеет характер дополнения, хотя и весьма существенного. Она посвящена склонению польских и чешских фамилий в русском языке. Скрупулезное изучение морфологической вариативности западнославянских фамилий на *-ский, -цкий* (также *-ий, -ий*) привело автора к хорошо обоснованному выводу: «рекомендовать оформление этих фамилий по образцу склонения соответствующих русских фамилий как для мужской, так и для женской формы» (с. 166).

Менее однозначны рекомендации, касающиеся чешских и польских фамилий на *-ек, -ец, -ак*. Рассмотрев большой фактический материал, автор заключает, что фамилии эти «целесообразно склонять без выпадения гласного в косвенных падежах», а в русских фамилиях такого типа «признать одинаковую возможность склонения с сохранением беглой гласной и без нее» (с. 177). Но практика, как отмечалось, все же предпочитает выпадение гласного в русских фамилиях и допус-

кает — в каких-то морфонологических условиях — его отсутствие в западнославянских фамилиях. Знаменитый чешский хоккеист во всех ситуациях будет *Мартинецем*, а не *Мартинцем*.

Довольно сложным оказался вопрос о русском оформлении польских и чешских женских фамилий, имеющих регулярные словообразовательные отличия от соответствующих мужских фамилий. Здесь в конечном итоге рекомендуется «точное следование оригиналу и сохранение каждой конкретной формы в русской передаче» (с. 180).

В итоговом Заключении обобщены специфические особенности антропонимического словоизменения и факторы, регламентирующие эти особенности. Повышенная вариативность словоизменения антропонимии объясняется по преимуществу стремлением к обособлению — «складывающейся, но еще не сложившейся к настоящему времени системой собственно антропонимического словоизменения» (с. 182). Но зачем антропонимии собственная словоизменительная система? Высокая морфонологическая вариативность антропонимов вряд ли связана с дивергенцией собственных и нарицательных имен.

Здесь впору говорить скорее о конвергенции и уж во всяком случае — о динамике единой морфонологической системы существительных. Периферия (в данном случае антропонимическая) раньше отражает новое и дольше удерживает старое, поэтому повышенная вариативность здесь обязательна. На периферии собрано не только то, что присуще словоизменению центра (т. е. апеллятивов) сейчас, но и то, что было присуще ему раньше и что войдет в употребление лишь в будущем.

Книга завершается очень ценными практическими рекомендациями (с. 184—187), которые было бы целесообразно довести до сведения всех заинтересованных лиц. Отраднa прозвучавшая в конце книги идея нормативного антропонимического словаря. И хочется высказать пожелание, чтобы вслед за своей чрезвычайно важной и актуальной монографией Л. П. Калакуцкая подготовила и этот столь нужный словарь. Рассмотренная книга станет для словаря хорошей теоретической базой. Она вообще дает теоретические основы для решения множества практических проблем антропонимического словоизменения.

Карпенко Ю. А.

Гондза хэн. А. И. Богуда: нофу сидо. Син-сурав-нихонго-дзитэн. Нихомпан (Новый лексикон славяно-японский. Составил Гондза под руководством А. И. Богудова. Японское издание). То:кё: : Наука-кабусики-кайся, 1985. 573 р.

Видный японский ученый, один из ведущих современных японских компаративистов, проф. Мураяма Ситиро давно известен как исследователь русско-японских культурных связей и пропагандист достижений отечественной науки в Японии. Им, в частности, было подготовлено японское издание трудов Е. Д. Поливанова [1].

Рецензируемый труд, выполненный С. Мураяма при участии Игата Садаёси и Косимидзу Норико, является первым изданием рукописного русско-японского словаря, подготовленного в Петербурге в 1736—1738 гг. Рукопись словаря хранится в архиве АН СССР в Ленинграде; в 1965 г. во время пребывания С. Мураяма в СССР ему была предоставлена фотокопия словаря, на основе которой выполнено настоящее издание, представляющее собой итог двадцатилетней работы ученого.

Автором словаря был Гондза (Демьян Поморцев) — японец, в возрасте 11 лет попавший в Россию в результате кораблекрушения в 1729 г. В Петербурге, куда

его отвезли, за короткое время им были составлены русско-японский словарь, японская грамматика, введение в японский разговорный язык, разговорник, а также осуществлен перевод с русского сочинения Я. А. Коменского «Видимый мир в картинках»; к сожалению, его активная деятельность была прервана ранней смертью в 1739 г. Не зная, как и другие японцы, жившие в России того времени, японской грамоты, он хорошо овладел русским языком и письмом и проявлял несомненные лингвистические способности. Значение трудов Гондзы отмечалось многими исследователями, в частности, академиком В. В. Бартольдом [2], однако введение их в научный оборот по существу начато лишь рецензируемым изданием. Безусловно, необходимо скорейшее осуществление научного изучения и публикации других трудов Гондзы, прежде всего его грамматики; советским японистам следует продолжить традицию изучения хранящихся в наших фондах материалов по японскому языку XVIII в., начатую изданием другого более позднего